

"Когда не стало Родины моей" (Коренблит – Глушкова)

России посвящается

1. Иван-царевич	– 1.31
2. Туда, где ты	– 2.08
3. Разве?	– 1.18
4. Признание	– 2.14
5. Тебе	– 2.37
6. Я с тобою	– 1.51
7. В древесном терему	– 2.12
8. Перемелется	– 1.38
9. Бессилье	– 1.28
10. Мне то что!	– 2.38
11. Подарю тебе свободу	– 2.01
12. Опостылость	– 1.28
13. О, я знаю	– 2.52
14. Разлука	– 2.32
15. В поезде	– 2.41
16. Покидающим Родину	– 1.39
17. Я пишу тебе	– 1.12
18. Свирель	– 1.41
19. Я ль?	– 0.58
20. Холода	– 1.20
21. Когда не стало Родины моей	– 2.17
22. Сороковины	– 3.22
23. Гефсиманская заря	– 1.40
24. Русская Голгофа	– 1.17
25. К 9 мая 1994 г.	– 1.30
26. Только тени	– 1.18
27. Муза-вдова	– 1.42
28. Никуда не хочу улетать	– 3.43
<i>Общее время звучания – 54.48</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Иван-царевич так живёт:
лозу плетёт, конюшни чистит,
лучину жжёт, поклоны бьёт,
ни букв не ведаёт, ни чисел.

Иван-царевич, беден ты,
да говорят, что ум короток.
Морозной, колкой чистоты
Не кована тебе корона.

Ты из ивашек, из емель,
такое даже не приснится —
сказать за тысячу земель,
домой с Жар-птицей воротиться.

А птица — с ветви на сучок,
рукой подать — такая малость...
Иван-царевич, дурачок,
всё дурачками начиналось.

2. ТУДА, ГДЕ ТЫ

Что делать с сердцем, — бедное, в груди
опять поет и просится на волю,
туда, где дремлет клеверное поле,
которое вовек не перейти!..

Туда, где ты... Где улица одна
собою праздный город заменила,
взлетела ввысь и на лету застыла,
луной каленой вся озарена.

Где снег по грудь, но храбрые ручки
скороговоркой, коркой ледяною,
стеклом скрипучим, утлюю щепкою
хрустят всю ночь, и не видать покою,
а клен такой, что лишь взмахну рукою —
с кривых ветвей посыплются грачи.

Туда, где ты... А мой веселый дом
продут прохладой влажного рассвета.
И март гремит. Земля полураздета
и, как живая, дышит за окном.

Туда, где ты, и ты любим, а я
еще жива, еще не понимаю,
еще молчу, еще не призываю:
любовь моя и молодость моя!

3. РАЗВЕ?

В этом мире, расчерченном начерно
на разлуку, на смерть, на любовь,
разве я — для тебя предназначена?
разве сам ты — к бессмертью готов?

Разве это зеленое зарево
поседевшей от соли волны —
слаще дымного, раннего, карего
подмосковного чуда весны,

черноземных проталин в орешнике,
лучезарного взмаха раки
и певца, что, минуя скворешники,
над обугленным лесом летит?..

4. ПРИЗНАНИЕ

Свела нас вовсе не любовь,

а только медленная мука,
реки вечерняя излука,
воды остуженная кровь.

Свели нас эти берега
и трель в черемушнике белом
певца, пушистым малым телом
дрожавшего из-под листка.

Свела нас эта простота
ночного жадного объятья —
как будто бы могла желать я,
как будто духом я чиста.

Как будто ты заменишь мне
бессмертную, родную юность.
Как снегопадом затянулось
окно и дерево в окне.

Где тот, удачливый, стоял,
где тот, утешливый, лелеял
мой сон, — но это ангел реял
и тихий небосвод сиял!

И было где-то впереди
глухое *некогда восплачу...*
А ныне — только то и значу,
что наворкует боль в груди;

что навевает темный страх
пред белоснежным днем грядущим,
перед бузинником цветущим
с седым соловушкой в ветвях...

5. ТЕБЕ

И сказать ничего не умела,
и подавно уже не спою,
как веселое белое тело
простирала на радость твою.

Как широкую печку топила,
как, босая, ступала жнивьем.
Никого-то я так не любила,
как вот эту ветлу над ручьем.

И когда ты ударишь по струнам,
бог Ярило, и скажешь: пора! —
я все той же походкою юной,
озираясь, пойду со двора.

Облекусь этой черною пашней,
теплой хвоей паду на порог,

чтобы ты, мой бессмертный, всегдашний,
об меня и споткнуться не мог.

Чтобы ты оглянулся: высоко
серый тополь листвой шелестит.
То ли к небу взмывает дорога,
то ли ласточка жгуче летит.

То ли дождь собирается: тучи
заклубились над старым дуплом.
А гармошковый голос скрипучий –
по лугам, по жнивью, напролом –

все поет про мои урожаи
да про яблони-груши поет,
обмираю, цвету, улетаю, —
отчего же рыдает народ?

Отчего ж в этой сладостной жизни
не проходит, дурманит и льнет
эта память о светлой отчизне,
по которой мой милый идет?

6. Я С ТОБОЮ

Закрывать глаза, катиться вспять,
в траву сухого лета,
но отраженья оторвать
от бедного предмета!

Не тронуть милое лицо
ни розгой, ни кистью,
зарыть приморское крыльцо
в песок, в сухие листья.

Но эти желтые цветы
и рыжие обои
твердят, что льется с высоты
пространство голубое.

И что не ветер шелестит
на нашей кровле жестью,
но ангел крыльями шуршит,
давась благою вестью.

И что в обглоданном саду
не мышшь кричит совою,
а лебедь плещется в пруду,
да ты, да я с тобою!

7. В ДРЕВЕСНОМ ТЕРЕМУ

Промотав столько лет, столько зим,
столько дымных, подтаявших весен,

я увидела взором сухим:
наступает зеленая осень.

И опять вислоухая тень,
изломавшись, легла на пороге:
это пылью кипела сирень
у остывшей шоссейной дороги.

То ли — облако, то ли снега
понависли над садом и лесом?
Плещет море иль сохнет река
за резною овсяной завесой?

То ли хрип, то ли рык, то ли трель —
все шумней меховое дыханье:
в черном бархате горбится шмель
над цветком, потерявшим сознание.

И тогда среди потухших ветвей
мне слышались робкие звуки:
это пепельный пел соловей
солнценосную песню разлуки.

Это поздний шиповник зацвел,
столь малинов — душа на излете! —
чтоб последнее золото пчел
отзвенело в янтарной заботе.

Это я погружалась во тьму
леса, праха, крапивного сада.
Там, в древесном моём терему,
всё, что только угодно уму,
навевает ночная прохлада...

8. ПЕРЕМЕЛЕТСЯ

Мне ль по разуму правый твой гнев,
темный окрик и злая досада?
Я, цветочное платье надев,
оглянулась — и вышла из сада.

Там вокруг простирались поля,
и уже у колючей ограды
я слышала голос шмеля —
просто струнку, без всякой насады.

Было видно, что хроменький дождь
пробежал, потому что лощина
уронила мне мокрую гроздь —
то цвести порывалась калина.

Я и прежде-то — пролитых слез,
на беспомощных елочных лапах,

не стыдилась... Дневной сенокос
источал удивительный запах.

Так ли ныне беда велика?
Вдруг и впрямь у ветлы придорожной:
«Перемелется — будет мука!» —
молвит голос, ржаной, осторожный?..

9. БЕССИЛЬЕ

...Но такого, как нынче, бессилья
мне еще не случалось знавать.
Вот наклею пчелиные крылья —
стану низко и сладко летать.

Стану думать: гречишного меда
в пенном поле легко ль наберу?
Стану знать: луговая природа
так влажна и тяжка поутру!

Успокоюсь недальним зимовьем,
роздых дам трудовому уму,
чтоб жужжать над твоим изголовьем,
чтоб в дощатом дремать терему.

А что сроден он будке собачьей
и что в мерзлую землю зарыт, —
ничегошеньки ровно не значит,
ни о чем еще не говорит!

10. МНЕ ТО ЧТО!

Ты-то думал: меня — одолеть
этой жаждой, и сущью, и зноем?..
Ну, не я, так ракита звенеть
пойнаётся — над вечным покоем!

Ну, не я, так сивушный мужик,
в рёве трактора, в полюшке голом,
обретёт на похмельи язык,
чтобы сивку кормить разговором,

чтобы горсть голубого овса
рассыпать в борозду до восхода...
Не моя, так чужая коса,
слипшись с дёгтем, украсит ворота.

Не моею рукой обовьёт
чья-то нежность да чьи-то там плечи
и вино молодое прольёт —
то, что я запасала для встречи,

для прощанья, для братства с тобой,
да от стужи, недужного зноя...

Мне-то что! Я всегда над судьбой
для победы — сдавалась без боя!

Погляди: горизонта черта,
как уста, стала узкой и красной.
Промолчу — но моя немота
никогда не бывала напрасной!

Прохожу между ржавых оград,
как слепая, — но вижу и внемлю...
Листопадные листья летят,
чтоб удобрить остывшую землю!

Погляди: луговой зверобой
не жалеет целебных соцветий.
И бегут золотою гурьбой
с золотыми лукошками дети...

11. ПОДАРИЮ ТЕБЕ СВОБОДУ

Подарю тебе нынче свободу
чьи-то узкие щеки хлестать.
Ворочусь к своему огороду,
стану квасом тоску запивать.

Подарю тебе светлое право
целовать этот синий роток.
Над тобою, как лучшая слава,
проплывет мой посадский платок.

Сколько роз на худом кашемире,
земляник, виноградин, гвоздик!..
Я еще не освоилась в мире,
где язык мой так волен и дик.

И, конечно же, черная ревность
водит белым, лебяжьим пером.
И, конечно же, слез моих древность
так суха — хоть руби топором.

Так легка, точно мы — на свободе,
на каком-нибудь бывшем ветру,
и плывет в золотом небосводе
горстка звезд, что умрет поутру...

12. ОПОСТЫЛОСТЬ

Опостылел и город, и дом,
опостытели мысли и слезы,
и совсем не нужны за окном
эти круглые красные розы.

Этой сини морская кайма,

эти камни, облитые солью.
Это я разлучила сама
душу с телом, а сердце — с любовью.

Это я научила глаза
так смотреть, словно вовсе незрячи,
так скользить — по беде, по удаче,
что взлетает в мои небеса;

так, прищурясь, нацелиться в даль,
словно там просверкает во мраке
о тебе — золотая скрижаль,
обо мне — горстка пыльной бумаги...

13. О, Я ЗНАЮ

О, я знаю, что всё впереди —
целый век! И со мной остается
этот край, где гуляют дожди,
под которые грустно поется.

О, я знаю, что чаша — полна
и, пожалуй, вином пламенеет.
Только что ж воровато чернеет —
отгорела уже! — бузина?

О, я знаю, он очень далек,
день, которого вовсе не будет.
И цветет янтарями восток,
и лицо воспалённое студит.

И опять так отменно речист
воробей, будто хлебом обилён,
и блестит подорожника лист,
зелен, будто и впрямь семижилён.

14. РАЗЛУКА

А был он хлебом мне насущным.
Как воздух был. И как вода...
Как любовался он тогда
моим лицом великодушным.

Как медленно он разжимал
свои, уже пустые, руки.
Веселым поездом разлуки
уже манил его вокзал.

Высоким голосом тоски
от моря чайки отвечали.
А я всегда была в начале
любви — печалям вопреки.

А я всегда куда-то вспять,

как провожая на перроне,
в закатном солнце, знойном звоне
плыла, чтоб молодость встречать.

Чтоб, глядя в низкое окно
в клубящемся тумане белом,
лететь душой, сжиматься телом:
ведь телу, право, все равно —

болеть ли, стариться, цвести
иль снова обмирать в объятьи.
Всё то ж на нем темнеет платье.
Всё тот же розан на груди.

15. В ПОЕЗДЕ

Во льду змеится полотно...
Железной пасмурной дорогой
куда мы едем?... Все равно.
Но ты любви моей не трогай.

Чтоб эти руки целовать
с такою болью святотатца,
ты должен с родиной расстаться
и сердцу темному солгать.

И ты страны моей беги,
где ни избы и ни колодца, —
земли сухой, где дымно вьется
костер пылающей пурги.

И ни привета, ни письма,
ни малых чад, ни злой подруги,
где я одна во всей округе:
я — да обильная зима.

Я — да лихие голоса
ветрами вздыбленного снега.
Страшна мне поступь человека.
Милы мне милые глаза.

Поет рожок, манит свисток —
там, где грохочет полустанок,
где смуглая толпа цыганок
цветет и едет на восток;

где, может быть, стою и я,
где, может быть, и ты со мною, —
и веет гарью и тоскою
заснеженная колея...

И мнится мне: встает заря,
играет луч, плывут деревья —

коралловые ожерелья рябин —
иль грозди янтаря...

И видишь ты: совсем темно —
от запада и до востока.
И поздней жалости морока.
И горькой старости вино...

16. ПОКИДАЮЩИМ РОДИНУ

И потянулись за море они —
за теплым кровом или сладким хлебом,
и бортовые лайнеров огни
едва видны под непроглядным небом.

Я не сужу. Что проку — сторожить
бурьяном полоненную руину?
Я не грущу. И здесь-то не прожить:
куда уж — сердцем обживать чужбину!

Я не гляжу в их мудрые глаза,
не слушаю их праведные речи.
Я вынесу — горящие леса,
сам небосвод, обрушенный на плечи!..

Я пожалею их в последний миг,
когда поверят: минула расплата.
Но даже на тебя, мой нищий стих,
придется им коситься воровато.

17. Я ПИШУ ТЕБЕ

Я пишу тебе письма мои
с той окраины нежной земли,
где нам встретиться не предстояло.
Где волнение черных дубрав,
опоздавших к цветению трав,
целый мир предо мной оправдало.

На медлительность ржавых часов
ты не сетуй. Я в несколько слов
умещу все, что будет, — взгляни-ка:
чернозем, чернозев, чернозов, —
чтоб взошел этот влажный покров
кучерскими усами овсов,
белолицым цветком земляники!..

18. СВИРЕЛЬ

Ну, подумай: простая свирель,
перелет пустотелого звука...
Это юбками машет метель,
это бродит под окнами ель —
кличет голосом милого друга:

— Выходи!.. — Выхожу на заре.
Как огромно сухое объятье! —
Погляди: вся земля в серебре,
ты б накинула темное платье!

Ты б простилась... Из этих-то мест
нелегко воротиться обратно.
Все ль забыла?.. Березовый крест, —
поцелуй-ка его троекратно.

Дашь мне молодость: эти возьмешь
ледяные вороны седины.
Там, куда ты, слепая, идешь,
все — к лицу, все — красно, все — едино!

Скажешь — дом, скажешь — рай, скажешь — скит?
Крот да червь — полон рот домочадцев!
Месяц соком вишневым залит,
дудка спит, песья косточка спит,
чернозубые лошади мчатся!

19. Я ЛЬ?

Ветер в дикие степи уносит
наших песен сухое руно, —
там никто не припомнит, не спросит,
что в седины его вплетено:

я ль была до последнего часа
неотвязной разлукой твоей,
ты ль за мной, волоокою, мчался,
загоня чужих лошадей?

Я ль роняла жемчужное слово,
в пропыленные трубы трубя, —
тянет гарью, вскипает полова,
как забуду — как вспомню тебя...

20. ХОЛОДА

Холода!.. На дощатом пороге
намерзает предутренний лед.
Что там брезжит на юго-востоке?
Что там запад косматый несет?

Всё короче, всё редкостней звуки.
Все молчу — точно горло щадя...
Лишь орлиные очи разлуки
за широкой завесой дождя.

Лишь размокшие перья вороны
на тропинке аллеи глухой...
Но деревьев безмерные кроны,
запрокинувшись над головой,

издают не предсмертные стоны —

ропот жизни, еще не живой...

21. КОГДА НЕ СТАЛО РОДИНЫ МОЕЙ

Когда не стало Родины моей,
я ничего об этом не слыхала:
так, Богом бережёная, хворала! —
чтоб не было мне горше и больней...

Когда не стало Родины моей,
я там была, где ни крупички света:
заслонена, отторгнута, отпета —
иль сожжена до пепельных углей.

Когда не стало Родины моей,
я шла тропой к Неземной Отчизне.
Но даже там, как на горящей тризне,
не пел волоколамский соловей...

Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. А только бы восстала
страна моя из немощи своей.

Когда не стало Родины моей,
воспряла смерть во всем подлунном мире,
рукой костлявой на железной лире
брящая песнь раздора и цепей.

Когда не стало Родины моей,
Тот, кто явился к нам из Назарета,
осиротел не менее поэта
последних сроков Родины моей.

22. СОРОКОВИНЫ

Не в огненной клокочущей геенне,
не в пропастях бездонных и глухих,
не там, где стонут аспидные тени, —
их души водворяются во благих.

Снег забинтует раненую Пресню.
Смотри: кругом — бело, и ветер стих.
Большая совесть обмирает с песнью:
«Их души водворяются во благих!»

Так хор летит!.. И небеса отверсты
для слов любви, мольбы — для слез одних!
И внемлют облака, и слышат звезды:
«Их души водворяются во благих!»

Их души — во благих?.. Без покаянья
принявших смерть?.. Что знаем мы о них?
Светлы в купели чистого страдания,
их души водворятся во благих.

И вся Москва — хладеющий Некрополь, —
как павший Рим, нетленна в этот миг.
Хрустальной кроной вторит звонкий тополь:
«Прими их, Правый Отче, во благих!»

И сизари летят за длинным гробом,
Благая весть трепещет в клювах их.
И веруем в томлении глубоком:
«Грешны — а водворятся во благих!»

Всю смерть поправ своею краткой смертью,
повергнув в гибель недругов лихих,
одну — под всей крутой небесной твердью —
узрят они Россию во благих.

И ты молись, дитя в промерзлой шубке,
и ты, старик, — за правнуков своих:
в крови, во гладе, веткой на порубке —
воспрянем, воссияем во благих!..

23. ГЕФСИМАНСКАЯ ЗАРЯ

... А здесь Страстная тянется неделя
длинней седмицы — год и хоть бы век!..
Уже на печке выезжал Емеля
и вызнал космос русский человек.

И нет таких немислимых свершений,
которых не свершил бы он с лихвой.
А по пятам, что ангелы, две тени:
седое Горе с лютою Бедой!

И вот уж видно: вечным Римом Третьим
не сдюжила Московия пребыть!
Отныне — счет избыточным столетьям:
плывут... Куда? Зачем теперь им плыть?

Но если впрямь в начале было Слово,
то, подлинно, сиять ему в конце!..
Молчи — и жди Пришествия Христова
в Садовом огнедышащем кольце.

В кольце Бульварном... Позднею обедней
не вспугнут черный морок октября,
и над страной восходит день последний —
едва ль не Гефсиманская заря...

24. РУССКАЯ ГОЛГОФА

Отложить бы ее на потом,
эту речь: как жилось ей в пустыне,
русской Музе, степной Магдалине,
с горьким взором, завязанным ртом...

Отгремели ее соловьи,
облетели с ланит ее розы.
Ничего-то — о брэнной любви.
Жемчугами окатными — слезы.

А теперь вот пришла обмывать
ваши раны — боса, некрасива.
В волосах — грязно-серая прядь.
Под ногами — волчец и крапива.

Да и голос — глухой, с хрипотцой.
Еле вяжет шатучие строфы.
А на сердце — и холод, и зной,
всё безмолвие русской Голгофы.

25. К 9 МАЯ 1994 г.

Какой придешь ты к этой годовщине.
Отчизна, разоренная дотла?
Седые Парки сядут при лучине
прясть нить судьбы? Цыганская игла

прошьет лоскутья той истлевшей славы,
что полыхала заревом знамен?..
Ни очага. Ни хлеба. Ни державы.
Всё взято. Сдуто. Угнано в полон.

И слышно: по ночам приходят волки
баюкать воем брошенных детей.
Иссякли слезы. Даже стоны смолкли.
И что ни день, то прежнего лютей.

Но, как на поле опустелом колос
один, забыт, — не скошенный никем
в руинах певчий золотится голос:
«Кому печаль, печаль мою повем?...»

26. ТОЛЬКО ТЕНИ

Просохнет кровь. Отступят злые беды.
Как лес, взлетят фанфары, золотясь.
По Лучшей Площади пройдет Парад Победы —
как в прежний раз. Как в незабвенный раз.

То будет день пасхальный, Красной Горки
иль Троицы... Поутру... По весне...
Как маршал Жуков, сам Святой Георгий
проскачет на танцующем коне.

И у Кремля заплещутся сирени,
смывая прах поверженных знамен.
А мы, — не плачь, — мы будем только тени,
из Смутных залетевшие времен...

27. МУЗА-ВДОВА

И высятся леса чертополоха
на месте белых вишенных садов.
Шакалей сыти хищная эпоха
кровавых вранов, желтоглазых сов.

Все кошки — серы, и навек безлунны
здесь ночи. А когда выходишь в сад,
как провода оборванные — струны
беззвучные, безвольные висят.

И что ни лира — полая скворешня,
пугает мертвым стуком на ветру.
Бездушна, так что, в сущности, безгрешна,
не кличу я кастальскую Сестру.

Ведь та Вдова, что называлась Музой,
сулит не ад, не соловьиный рай,
но приживалкой жалкою, обузой
глядится. Прочь, постылая, ступай!..

Ведь никогда божественное слово
не пребывало менее в чести:
ни даже в день распятия Христова,
ни даже там — в Иудиной горсти.

28. НИКУДА НЕ ХОЧУ УЛЕТАТЬ

А по осени вышли грибы.
На пеньках — молодые опята.
И у крайней, замшелой избы
в огороде — лиловая мята.

Я, наверное, тут поселюсь.
Чистой тряпкой протру половицы.
Буду слушать осеннюю грусть.
Припасу себе пряжу и спицы.

Припасу себе в избу кота,
припасу себе в подпол мышонка,
И — прощай ты, моя маета
да разлука, чужая сторонка!

Потекут молчаливые дни,
в лес клубочком покатится пряжа.
Вот носки — для внучонка они,
вот башлык — для праправнука даже...

Вот и вам, дорогие мои,
то ли присказка, то ли побаска.
Вот зимы голубые огни,
вот и старости хмурая ласка.

Вот и несколько строчек моих
по складам кто-то тихо читает.
Сколько в поле чужих и родных,
никогда он из них не узнает!

Сколько в поле упало цветков,
сколько кос у российского лета...
Мой косарь и подавно готов,
разнаряжен, да что уж про это!

Я о том, что оставлю тебе
золотую и синюю краску,
дармового мурлыку в избе,
желудей колокольную связку

на дубу... Им бы в пахоту лечь —
и пробьется зеленая поросль!
Но гляди: уплывает за печь,
и седеет, и молкнет мой голос.

Он дымком домовитым плывет,
пахнет жаркою корочкой хлеба,
залетает листом в огород,
достигает далекого неба.

Опускается медленно вниз,
жадным хмелем шуршит у окошка.
И глядит: грибники подались
в лес, а сами-то меньше лукошка.

И глядит, что картошку копать
понукают сентябрьские зори...
Никуда не хочу улетать —
ни в приветное небо, ни в море!